

Смертники
Сложенные крылья «Феникса»

Katse.li

18+

Katseli

**Смертники. Сложенные
крылья "Феникса"**

«Автор»

2026

Katseli

Смертники. Сложенные крылья "Феникса" / Katseli — «Автор»,
2026

Мир рухнул после того, как биологическое оружие вышло из-под контроля: вирус мутировал, вакцины нет, цивилизация катится в пропасть. Человечество расколосось на три лагеря: власть, учёных и заражённых. В закрытых лабораториях выращивают трансгенных людей, а «бракованные» серии держат под замком, используя для опытов и грязной работы. В центре истории — две группы трансгенетиков, чьё существование сводится к выживанию среди чужих решений и постоянных угроз быть пущенными в расход. Переворот в лаборатории даёт им шанс на побег, но свобода оборачивается новым испытанием: через боль, сомнения и неожиданные союзы. Впереди — поиск смысла, столкновение с заражёнными и понимание, что цена искомой гармонии выше доступного. Эта книга — первая часть истории, где религия и наука, предательство, отчаяние и надежда сплетаются в тугой узел, который придётся распутывать не только героям, но и всему остальному человечеству.

© Katseli, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Смертники. Сложенные крылья "Феникса"

Глава

Часть 1

Глава первая

Чувство тревоги всегда шло об руку с ним, даже в самые тихие вечера. После отбоя каждый шорох превращался в завуалированный кошмар: без лиц, без членораздельной речи, без красок. При пробуждении оставались лишь нотки послевкусия, и это было здорово — не помнить досконально иллюзий, не цепляться за мёртвые образы и не давать себе вязнуть в болоте воспоминаний, которое запросто могло стать сатирической ловушкой.

Память трансгенетика заведомо была запрограммирована на дробление информации. Подопытный засыпал и просыпался по сигналу, толком не помня о своих снах. В его дрёмы вплеталась нить бессвязного безумия, а ведущая картинка варьировалась от бесконечного цикла хирургических покоев до тесных камер изолированного содержания. И всякий раз напоминала, что вырваться из череды принудительных досмотров практически невозможно.

Крит не знал, каково это — быть человеком, но внятно ощущал, что сам по себе мало похож на представителей других серий «Феникса». Была в его движениях несвойственная вольность, а в мыслях — щемящаяся под давлением самодостаточность. Он чувственно переживал боль, обиду и иногда ловил себя на всплесках утешительной радости. На самом дне его интуиции копошилось понимание того, что присущая смертникам реальность — только фрагмент какого-то более абсурдного пазла, и потому было проще соотнести себя с чем-то промежуточным между пределами проекции генной инженерии и естественной модели человека.

Со временем сон стал для юноши почти что пыткой. Казалось, даже тело сопротивляется. Натиск бывалых впечатлений вынуждал каждую клетку объекта натягиваться до боли, а сердце — пропускать удары чаще, изо всех сил намекая на необходимость проснуться. Чувство это кусалось изнутри, превращая любые манипуляции в почти осязаемый труд. Попытка вновь вклиниться в нормы общественного уклада тщетно билась меж граней неразборчивой полудрёмы и понимания того, что сейчас — самое время быть в фокусе.

Крит открыл глаза под яркий всплеск освещения и монотонный вой предотбойного сигнала. На мгновение юноше показалось, что он приходит в себя на разделочной доске, под кучей прожекторов и скрежет точильного станка, но то был лишь отголосок последнего взаимодействия с операционной. Очнулся он на одной из раскладушек, в зоне себе подобных, и как только звон в ушах стих, сразу понял, что никаких изменений за время отсутствия не произошло.

Зал смертников, который модифицированные практически не покидали, не представлял собой ничего особенного: начинался и заканчивался металлическими створками в виде проходных дверей. Различие было лишь в том, что после давнего скачка напряжения один из выходов, расположенный близ зоны уборной, перестал служить по назначению. Его не использовали уже более десяти лет, и всё, что было по ту сторону, осталось погребено без права на восстановление.

Единственными декорациями выступали десятки еле живых раскладушек и примерно столько же больничных коек, выстроенных в два сплошных ряда вдоль обшарпанных стен. Все

прочие детали интерьера были изъяты в целях обеспечения безопасности входящих: в этом периметре тщательно проверяли каждый угол на предмет наличия посторонних вещей. Подопытные должны были быть изолированы от любых намёков на возможность сопротивления, и потому даже случайно торчащая из матраса пружина или отколовшийся кусочек плитки из уборной мгновенно изымались, чтобы атаковать сотрудников было нечем. Деспотичное обращение прекрасно дополняло общую картину: страх и стремление сохранить жизнь вынуждали подопытных соблюдать все пункты согласно требуемой дисциплине. Темперамент приходилось держать в узде, ибо любой всполох агрессии или даже намёк на недовольство приравнивались к поражению.

Общая численность бракованных заключённых не превышала шестидесяти единиц в северном крыле. Разница в их возрасте была незначительной, и порой было трудно отличить одну группу от другой, поскольку все присутствующие были одеты в одинаковые рубахи до колен и в большинстве своём носили короткие стрижки. Для удобства учёные завели по карточке на каждый созданный ими экземпляр и пронумеровали их, вшив серийный номер под кожу ещё на стадии разработки. Впоследствии обозначение выступало под ключичной зоной, полностью формируясь к трёхлетнему возрасту. Свести его или перекрыть чем-то было невозможно.

Крит, весь взмокший от пота, осторожно поднялся с кушетки и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к противоположной части изолятора. Движения не сразу обрели былую устойчивость: свежие бинты неприятно сжимали бёдра и едва держались на левой руке, к которой кто-то извне прикрепил катетер с двухмиллиметровой ампулой. Рука от этого неприятно зудела, кончики пальцев покалывало, как после лёгкого обморожения. Чтобы снизить ощущение дискомфорта, приходилось сжимать и разжимать кулак, пока первые побеги тепла не появились в пальцах, снимая онемение и возвращая чувство жизни в руку.

Сознание по-прежнему было немного путанным, и зрение до конца не сфокусировалось, однако среди толпы уже можно было вычленить своих по мере приближения.

В другом конце зала он сразу же заметил Дженни, свою сестру. Её рыжие волосы были единственным ориентиром на фоне понуро-асфальтного смещения красок. Через несколько минут в помещении должны были погасить свет, и потому девушка уже заняла своё место, настраиваясь на предстоящую перезагрузку. Копошение и громкий шёпот по-прежнему доносились со всех сторон, но даже в этом беспорядке вкрадчивый голос сестры был хорошо различим.

Никто из присутствующих в действительности не был связан кровным родством, но все позиционировали себя как часть сплочённой семьи на основании первозданной команды.

С начала обучения каждому внушали, что любой незнакомец за пределами своей линии — потенциальная угроза, а единственная верная позиция — это отстранённость: только так можно было избежать случайных доносов и сплетен, уберечь младших и спастись самому, если вдруг чья-то агрессия проявит себя вне контроля. Трансгенетики, по законам воспитания, были вспыльчивы и завистливы до благ других, как на подбор. В корне характера лежало стремление уничтожить, но изоляция ограничивала вольность, вынуждая выбирать вторую движущую силу — верность лаборатории. Слепая привязанность давала ощущение полноты и веры в то, что снятие партий с боевой подготовки тоже имеет свои плюсы, однако скрежет обиды не исчезал

и постоянно напоминал о том, что рядом — куча других групп, и любая из их числа может подвести в самый неожиданный момент.

Поначалу хищное сверление взглядом и натянутый оскал буквально не спадали с лиц тех, кто тщетно пытался высмотреть среди новичков вероятную опасность. Желание разорвать на кусочки и найти виноватых было велико, но охрана за дверью не давала пасть до крайности. Со временем это чувство опускалось до уровня лёгкого безразличия, но адаптированное правило «держаться от прочих бракованных подальше» так и оставалось нормой соблюдения личных границ.

С трансгенными организмами начали экспериментировать, когда неизвестная зараза атаковала первые слои населения, одолевая километры со скоростью света, перескакивая с одного лица на другое. Тогда ещё в мире существовали частные лаборатории, работающие с биологическим оружием, и после взрыва на одной из их баз, которая нигде по документам не значилась, остановить распространение экспериментального вируса оказалось невозможно.

Эффект должен был протекать по типу обычной вирусной картины с повышенными симптомами слабости, тремора, температуры и затруднённого дыхания, но в результате мутации течение первых показателей недуга усугубилось до образования красных пятен на коже, хаотично перетекающих в гнойные нарывы по мере разрастания. Заразиться от другого человека можно было исключительно через прикосновения, слюну и кровь. Следом всколыхнулась волна паники среди населения: люди бросали работу и жилые дома, пытались бежать, но спрятаться было негде. Города первыми пали от череды взрывов на предприятиях, а следом — и территории, разделяющие соседство. Вспышки эти колебались от мелких очагов возгорания на случайных складах вплоть до выбросов радиации, после которых многие участки Земли стали непригодны для жизни, а прилегающие зоны превратились в «минное поле», где любой нововыросший объект или нарост, вроде ранее неизвестных цветковых растений или грибкового наслоения на коре дерева, мог быть опасен для жизни. На некогда обжитых участках и на окраинах активно появлялись новые растения и специфичные виды травянистых сгущений: природа давала жизнь совершенно непохожим на привычную флору явлениям, дополняя существующее неприметными источниками заражения. И если видоизменённый растительный мир ещё не так сильно пугал, то пылеобразные споровые уплотнения в воздухе нагоняли жути. Взаимодействие с некоторыми формами ботаники и сопутствующих ей нареканий могли ускорить мутацию в человеке или его подобию в кратчайшие сроки. Так как фактически эти территории возникли на костях тысяч инфицированных, отдельные локации впитали в себя нотки пагубного эффекта и проявляли сокрытые источники угрозы в самые неожиданные моменты, когда беззащитные души, случайно забредшие в область поражения, уже не могли пойти на попятную.

В начале смертность действительно была высокой, но со временем общий сценарий стал прямым воплощением гипотезы о долгосрочной эволюции, в которой под постоянным давлением вируса раскрылись две стороны медали. Люди в изоляции сохранили генетику без явных изменений, пока те, кто был с вирусом лицом к лицу, приобрели устойчивость через выбор сопротивляемых мутаций. Дефекты по внешней части никуда не делись, но физически стали переноситься в разы легче: гной по-прежнему вытекал из ран, а движения причиняли боль ввиду отсутствия заживления нарывов, но удушье и нестерпимый кашель осели до банальной одышки, в то время как колебания температуры и вялость совсем пропали. Изъяны хоть и мешали существовать, но, тем не менее, хотя бы давали такую возможность.

Поселения здоровых людей стремительно шли на убыль, с течением времени всё равно попадая под раздачу. Куда больше возможностей и шансов было у тех, кого учёные нарекли спонсорами, у тех, кто ранее представлял собой вершину научных организаций и вне ведомостей способствовал процветанию мафиозных групп: они давали добро на запуск бесконечных партий пустышек вместо адекватных препаратов, пускали в ход медикаменты, ещё не получившие научного признания, чтобы «проверить выводок», и в то же время стояли над подчинёнными, которым по особому соглашению было назначено работать с новыми видами вирусов под тайным объединением с правительством.

Для выживших привычное понятие рациональности исказилось. В среде науки и за её пределами мир претерпевал господство хаоса, но большинством, после падения цивилизации, данное стало восприниматься как нечто положительное. У людей осталось всего два ориентира: жизнь и личный комфорт. И если потребуется, то в ущерб иным. Холодная трезвость постепенно становилась общим предпочтением, и спрос на неё рос по мере погружения в попытку выстоять под бесконтрольным давлением обстоятельств: многие люди сами выбирали отчуждённость и строгость, чтобы быть сильнее, и, что было в разы важнее, они же и комбинировали модифицированных под собственные стандарты поведения.

Ещё до периода распада некоторые из спонсоров держали лаборатории в личных целях, теперь же им была доступна первостепенная изоляция и достаточно большой спектр привычных условий из прошлой жизни. Под их влиянием лаборатория превратилась в военный проект, где для генетически усовершенствованных объектов была определена новая дополнительная роль со смещением акцента на защиту от междоусобиц вместо поиска вакцины.

Так как заражённые, численность которых превосходила любые ожидания, продолжали жить и размножаться, периодически возглавляя мятежи за неимением минимальных ресурсов для существования, к спонсорам стали отправлять для обороны чистых трансгенетиков — тех, чей генетический код исключал предрасположенность к заразной мутации, проявление которой было лишь вопросом времени для смертников.

Выдающиеся солдаты были задействованы в рядах охраны лаборатории и выступали сопровождающими при любом перемещении особо опасных объектов до конечного пункта и обратно, при внештатных ситуациях и в ходе глобальных операций до момента их рассредоточения. В северном же крыле их задача сводилась к наблюдению за порядком из промежуточной зоны и моментальному реагированию на любой странный шум из изолятора. В случае если у кого-либо из заключённых проявлялись признаки сбоя, прочие бракованные сами били тревогу, чтобы привлечь шумом тех, кто держал пост снаружи. Никому не хотелось затягивать с избавлением от прокажённого и подвергать себя риску оказаться следующим.

За годы учёные выяснили, что внедрение брака в нормальные составы было их личной оплошностью: эксперимент оказался в обороте раньше, чем испытательный срок подошёл к концу. В каждом таком экземпляре скрывалась вирусная бомба, смертельная, но неприметная до активации. И иной раз казалось, что звук её от одной только мысли о последствиях нарастает по децибельной шкале, будто сам вирус владеет словом и, смеясь, вопит: «Тик-так».

За дверью снова взвыл предупреждающий об отбое сигнал, когда Крит добрался до койки одного из своих и опустился рядом, на самый край голого матраса.

У Эвана не было постельного. Привычка довольствоваться малым прекрасно вписывалась в общую для трансгенетиков картину быта: ничего, кроме просевшей лежанки и расшатанного металлического каркаса. Удобство носило весьма поверхностный характер, но в случае Эва даже после нескольких ночей бодрствования это не мешало выглядеть свежо. Усталость выдавали только слегка покрасневшие уголки глаз и спутанные отростки белесых волос, накручивавшие на палец которые вошло в привычку при бессоннице.

Казалось, что пребывание наедине с собой — всё, что требуется молодому человеку для полного комфорта. Он никогда не болтал попусту и не проявлял особой привязанности ни к кому из тех, кого искренне считал частью «семьи». Устав требовал слепого подчинения канонам и отрицал эмпатию, потому юноша строил из себя того, кем не являлся: он был сдержан в эмоциях, и иной раз лишь изогнутая бровь выражала его немое недоумение; он старался быть в стороне от прочих, но не переставал тихо наблюдать за обстановкой, чтобы комфорт меньших не был нарушен. Вся его речь ограничивалась односложными вставками, но полную силу вовлечения по какой-то причине не скрывала. Каждый чувствовал его любовь и где-то на уровне ощущений принимал с особой признательностью заботу и оказываемую поддержку, ведь именно его руки первыми подхватывали любого, летящего вниз, будь то хоть в прямом, хоть в переносном значении.

Эван лежал почти неподвижно, и издали его запросто можно было принять за спящего: он слишком медленно дышал и больше трёх часов не менял принятого положения, лишь изредка приоткрывая глаза, чтобы не провалиться в подобие прерывистой дремоты. Нашупав вслепую руку брата, Эв осторожно вложил в его ладонь достаточно хрупкий пакетик с жидкостью и прошептал еле слышно: «Я с удовольствием посмотрю на тебя завтра, но сейчас лучше вернись на место».

Крит мельком глянул на передачку и тяжело вздохнул, сжав кулак так, чтобы никто не смог разглядеть содержимое. Горло неприятно защипало. В этот раз его возвращение затянулось, и подкормка по согласованию с дежурным была отправлена назад.

— Мне не положено, — вырвалось на выдохе, и рука сама потянулась, чтобы вернуть принятую подачку.

— Верно. Не положено. Как и мне не положено слушать тебя за две минуты до отключения световых приборов, — усмехнулся Эван, но обратно не взял. — Иди, устройся поудобнее и оближи губы. Нам нужно отдохнуть.

Крит с благодарностью взглянул на отвернувшегося к стене юношу и направился обратно.

Паёк передавать другому было строго запрещено. Этот маленький прозрачный пакетик с водой служил еженедельной нормой. С тем же успехом можно было попытать удачу на высоте без страховки: повезёт — и ты цел, повезёт меньше — и в твоих руках лишь половина процентов на выживание. Дополнительная порция стоила целого ряда усилий, далеко не всегда оправданного, и добиться её пытались лишь совсем отчаявшиеся.

Эв оценивал нужды команды выше личных и не в первый раз проворачивал подобного рода махинации, стараясь быть предельно осторожным. Жажда после прохождения внепланового осмотра буквально сводила с ума, и он знал это как никто другой. В такие моменты

казалось, что дотерпеть до следующего приёма самому проще, чем наблюдать за тем, как от потребности изнемогает кто-то из окружения.

Уже лежа на своей раскладушке, Крит закинул полученную порцию жидкости в рот и легонько надавил языком на растворимую оболочку, чтобы прочувствовать вкус воды. Не спеша приняв дозу тремя бесшумными глотками, он освободил левую руку от слабого бинта и ноющего катетера, отвернулся от стены и почти моментально уснул в полной тишине.

Глава вторая

Потеря контроля над собственным телом пугала больше, чем мелькающие тени Ангелов по обе стороны. Сотрудники, прозванные так за белоснежные одежды, ничуть на сынов Божьих не походили. Они были по-своему величавы и горделивы, местами — совсем безразличны. А на лицах их, сокрытых снежными баффами, зачастую оставались отпечатки стойкого недосыпа и жгучей рутины, делая их в глазах смотрящего значительно меньше.

От встречи с ними не стоило ждать ничего хорошего: подсобная работа этих людей сводилась к обработке испытуемых объектов. При незначительных повреждениях оказывалась первая помощь, а в более сложных случаях вставал вопрос о разборе в целях лабораторных исследований и последующей утилизации. Лица в белом окаймлении — последнее, что можно было увидеть перед наступлением вечной темноты.

Нил знал, что их можно любить, если объект ещё мал и чист. Будучи на южной территории, он был абсолютно уверен, что мужчины в белом облачении несут добро, покуда ты держишь службу и полезен окружающим. Он и представить не мог, что те же самые руки вскрывают грудные клетки, фасуют органы по пакетам и буквально каждый сантиметр своего тела пропитывают запахом смерти, как только выключается свет. И теперь, прикованный к доске, Нил мог лишь гадать о том, как скоро тот самый конец наступит для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.